

ЗАПИСКИ
ОРЕНБУРГСКОГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества.

п. 25868.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

1870.

КАЗАНЬ.

Въ университетской типографіи.

1870.

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

О ЧЕРКЪ

ОБЫЧАЕВЪ, ПРИ СВАТОВСТВѢ И СВАДЬБѢ, У КИРГИЗОВЪ
ОРЕНБУРГСКАГО ВѢДОМСТВА.

Когда единственнымъ руководителемъ общественныхъ отношеній служили между киргизами обычаи и преданія, бывали частые примѣры, что друзья, пожелавшіе укрѣпить свою дружбу узами родства, условливались, что если жена одного изъ нихъ родитъ сына, а у другаго будетъ дочь, то соединять ихъ законнымъ бракомъ. Обычай этотъ въ настоящее время и выводится, что можно отнести къ нѣкоторому (едва впрочемъ замѣтному по отношенію къ такимъ предметамъ) вліянію сосѣднихъ народовъ; но въ большинствѣ случаевъ все-таки соблюдается тоже и по сіе время. Безъ исключенія каждый состоятельный киргизъ, имѣя сына двухъ или трехъ лѣтъ, старается высватать ему невѣсту изъ семейства лицъ, непременно равныхъ ему по состоянію и почету въ ордѣ. Едва женихъ достигъ 10-ти, 11-ти лѣтъ онъ уже посылается родителями къ невѣстѣ, съ обычными при томъ подарками. Женять сына, смотря по состоянію и обстоятельствамъ, въ ранній его возрастъ и позднѣе, но большею частію до совершеннолѣтія. Состоятельный киргизъ не задумается женить сына 11 и 12-ти лѣтъ; а если подойдет тако-

го рода случай, что у отца напимѣрь одинъ сынъ и ему захочется имѣть сноху или, какъ выражаются ордынцы, „родители пожелаютъ порадоваться счастьемъ своихъ дѣтей“, то женятъ 8 и 9 лѣтъ. Точно также выдаются за-мужъ и дѣвушки, лѣтъ десяти и моложе, тоже смотря по обстоятельствамъ. При этомъ нерѣдко случается, что десятилѣтнему мальчику достается женщина, имѣющая уже дѣтей, изъ которыхъ старшій и самъ можетъ быть лѣтъ 7, 8-ми. Это бываетъ обыкновенно при такомъ случаѣ: когда въ семействѣ старшій братъ умираетъ и у него остается жена, то она, какъ бы по наслѣдству, выходитъ въ замужество непременно за роднаго брата умершаго ея мужа; но если не окажется у послѣдняго родныхъ братьевъ, то должно отдать ее въ замужество за кого либо изъ родственниковъ. Такъ, за неимѣніемъ болѣе имѣющихъ правъ на вдову, она отдается (часто молодая) иногда шестидесяти и семидесятилѣтнимъ старикамъ. Въ общемъ условіи брака у киргизъ не принимается въ расчетъ ни неравенство лѣтъ вдовы со вторымъ ея мужемъ, ни желаніе ея, ни другіе подобныя резоны. Всякія посягательства киргиза другаго рода и отдѣленія на такія права родственниковъ, влекутъ за собою непримиримую вражду, послѣдствіями которой нерѣдко бывали убійства (¹).

Киргизъ, потерявшій жену, можетъ жениться на другой, но не иначе, какъ по уплатѣ второму тестю айба (штрафа), неимѣющаго опредѣленнаго размѣра, но часто доходящаго

(¹) Такъ называемый жесыръ-давы (посягательство на права киргизовъ въ отношеніи ко вдовѣ) стоитъ на первомъ планѣ такихъ случаевъ, противъ него не можетъ устоять ни скромность характера киргиза, права котораго нарушены, ни его нежеланіе заводить дѣло. Подобныя посягательства посторонняго лица считаются оскорбленіемъ, нанесеннымъ цѣлому роду обиженнаго и потому преслѣдуются всѣми его однородцами; не отступление противной стороны отъ учиненной ею обиды, вызывали родовую вражду, а послѣдствіемъ таковой происходила родовая баранта (грабежъ) и даже открытая народная битва.

до значительной суммы. Считается униженіемъ для киргиза, если дочь его сватаетъ вдовецъ. Такіе женихи называются уй-сыныхъ, т. е. ломанная кибитка,—выражая этимъ понятіе раззоренности. Не смотря на то, большая часть состоятельныхъ киргизъ имѣетъ по нѣскольку женъ. Объяснить основаніе такого многоженства, кромѣ допущенія религіею, можно еще и тѣмъ, что всякій киргизъ, женившійся по произволу родителей, а не по своему выбору,—не всегда находитъ въ своей женѣ тѣ качества, какія бы ему хотѣлось имѣть въ ней; вслѣдствіе чего является между такими супругами охлажденіе и разстройство, а потомъ, если позволяетъ состояніе, киргизъ беретъ себѣ въ жены другую, оставляя, впрочемъ, за собой прежнюю (¹). Если же онъ ошибся и въ другой женѣ, то иногда, просто отъ досады, беретъ еще и третью. Впрочемъ къ многоженству есть и другія побудительныя и важныя въ глазахъ киргиза причины, напр. нерожденіе женою наслѣдника. У киргизовъ сложилась обычная пословица, безъ объясненія показывающая цѣль ихъ многоженства, но которую, нерѣшаясь перевести, напишу здѣсь на киргизскомъ языкѣ: байталъ кобъ болса кулунда кубъ-булады (²).

Знатные ордынцы всегда старались, и до сихъ поръ это водится,—сватать за сына дочь такихъ же знатныхъ лицъ, только совершенно другой части или рода. По существующимъ въ ордѣ преданіямъ такой порядокъ сватовства предписанъ нѣкимъ ханомъ Ишимомъ, и старики киргизы убѣждены, что порядокъ этотъ составленъ не безъ дальновиднаго умысла, такъ какъ послѣдствія его, при безпокойномъ положеніи

(¹) Отпущеніе киргизомъ добровольно своей жены считается непростительною для мужчины слабостью достойною насмѣшки.

(²) Если много будетъ кобыль, то и жеребятъ будутъ много. (пер. Вл. Н. Плотникова).

ордынцевъ, приносили народу пользу. И дѣйствительно, судя по необыкновенному вліянію на киргизъ нѣкоторыхъ біевъ, званіе существующее и теперь, можно допустить, что родство главныхъ лицъ враждующихъ партій содѣйствовало водворенію обоюднаго спокойствія отдѣльныхъ родовъ. Вслѣдствіе, быть можетъ, этихъ же побужденій введенъ твердо укоренившійся теперь въ ордѣ обычай: не жениться на дочеряхъ своихъ одноотдѣленцевъ, допуская къ этому только однородцевъ, которые состоятъ къ семейству засватанной невѣсты въ родствѣ не ближе восьмага колѣна. Надо замѣтить при этомъ, что собственно магометанскій законъ дозволяетъ жениться даже на близкихъ родственницахъ, что и соблюдается у всѣхъ мусульманъ, кромѣ киргизовъ.

У ордынца, имѣющаго двѣ и три жены,—старшая, т. е. та, на которой женился прежде другихъ, называется байбича. Она должна пользоваться уваженіемъ какъ мужа, такъ и всѣхъ окружающихъ. Все домашнее хозяйство ввѣряется ей завѣдыванію. Остальныя жены называются токалами (короткій); самое названіе показываетъ какъ мало почитаются онѣ киргизами, тѣмъ не менѣе, многія изъ нихъ любимыя жены мужа.

Состоятельные киргизы держатъ каждую жену въ отдѣльной кибиткѣ и даже въ отдѣльномъ аулѣ, но большинство помѣщаетъ женъ въ одной и той же кибиткѣ.

Рѣшивъ высватать сыну своему невѣсту, родители посылаютъ, предварительно, къ избранному въ будущіе тестю лицу двухъ или трехъ близкихъ къ себѣ людей сдѣлать, по этому случаю, предложеніе, и если родители дѣвушки согласны принять его, то посланные условливаются тутъ же о калымѣ. Калымъ-маль, иначе кара-маль, даваемый состоятельными киргизами, обыкновенно состоитъ изъ 47 лошадей, большихъ и малыхъ, смотря по условію. Относительно

размѣра калыма замѣчается та особенность, что въ малой ордѣ (въ западной и средней частяхъ бывшей Области Оренбургскихъ киргизъ) даютъ на калымъ 50 лошадей (безъ-жійрма). Посредственнаго состоянія киргизъ платитъ 37 скотинъ, включая въ число ихъ и мелкихъ, какъ-то жеребятъ, телятъ и проч. Кромѣ того, вмѣстѣ съ калымомъ условливаются о башъ-жаксѣ. Башъ-жакса, слѣдующая отъ жениха, предназначается собственно для головнаго убора (саукеле) невѣсты. Самый богатый киргизъ отдаетъ на башъ-жаксы 500 и 600 рублей, посредственнаго состоянія—200 и 300 рублей и такой подарокъ большею частію удовлетворяется деньгами.

Когда условія эти кончились, то посланные для предложенія возвращаются въ свой аулъ. Не медля, послѣ того, родители жениха посылаютъ къ избранному въ тести кудачей (сватья), числомъ отъ 5 до 10-ти человѣкъ, для окончательнаго утвержденія вышеозначеннаго договора. Получивъ извѣстіе, что ѣдутъ кудачи, родители невѣсты ставятъ поодаль отъ аула отдѣльную кибитку, внутренность которой устилается коврами, одѣялами и подушками, гдѣ и принимаютъ гостей, но безъ особенной при этомъ церемоніи.

На другой день кудачи приглашаются въ кибитку отца сватаемой дѣвушки, при чемъ соблюдается слѣдующій забавный обычай.

Еще до приглашенія гостей въ кибитку невѣсты, женщины собираются и готовятъ жидкое тѣсто, достаютъ глину или грязь изъ земли, и все это кладутъ въ отдѣльныя чашки; припасаютъ заранѣе нѣсколько женскихъ головныхъ уборовъ, веревокъ и держать къ тому времени около кибитки нѣсколько быковъ. Съ припасенными матеріалами въ рукахъ, нѣсколько женщинъ, притаившись, стоятъ гдѣнибудь около двери кибитки, куда вслѣдъ за тѣмъ приглашаются

кудачи. Какъ только послѣдніе переступятъ порогъ,—спрятавшіяся женщины выпрыгиваютъ изъ засады: однѣ изъ нихъ мажутъ лицо кудачей тѣстомъ, другія грязью; потомъ надѣваютъ на нихъ, насильно, женскіе головные уборы, усаживаютъ лицомъ къ хвосту на быковъ и, привязавъ къ этимъ животнымъ посаженныхъ такимъ образомъ кудачей, пускаютъ быковъ въ степь, и гоняютъ ихъ. Натѣшившись этимъ, приступаютъ къ слѣдующему: бросивъ чрезъ верхній кругъ кибитки веревку, связываютъ концомъ ея одного изъ кудачей, всего перепачканнаго, тянутъ его за другой конецъ и нашъ бѣдный кудачь немедленно виситъ на чангаракѣ (верхній кругъ кибитки). Спустивъ съ чангарака на землю, снова бросаютъ связаннаго въ грязь, въ яму и продолжаютъ другія тому подобныя потѣхи.

Дѣйствительно забавно смотрѣть въ такомъ видѣ на кудачей, на примѣръ, когда быкъ съ привязаннымъ на спинѣ киргизомъ скачетъ во весь опоръ и вдругъ сбрасываетъ сѣдока; смѣшнѣе еще видъ мущины съ бородой, когда ему на голову надѣваютъ головной женскій платокъ, но каково все это для бѣдныхъ кудачей, объ этомъ никто не думаетъ.

Наконецъ всѣ эти церемоніи кончаются, и кудачи въ послѣдній разъ приглашаются въ кибитку невесты, гдѣ уже приготовлены имъ подарки. Первый цѣннѣйшій подарокъ назначается отцу жениха, потомъ старшему его родственнику, далѣе самимъ пріѣхавшимъ гостямъ. Цѣнность подарковъ зависитъ отъ желанія и щедрости дающаго; большею частію общимъ числомъ они равняются суммѣ башъ-жаксы (см. выше). Часто случается, что и самый башъ-жаксы возвращаютъ назадъ къ родителямъ жениха, вмѣсто кійтъ, т. е. подарковъ при вышешоясненномъ случаѣ.

По возвращеніи кудачей обратно, отецъ невесты ѣдетъ самъ, или посылаетъ вмѣсто себя, сына или родственника,

для полученія подарковъ уже отъ отца жениха и для полученія какъ калымъ-маль, такъ и башъ-жаксы.

Тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ аулѣ невѣсты, и съ тѣми же забавами встрѣчаютъ гостей въ аулѣ жениха. Тутъ предоставляется кудачамъ отплатить пріѣхавшимъ такимъ же способомъ, какимъ тѣшились надъ ними въ аулѣ невѣсты.

Гости эти, послѣ обыкновенныхъ у киргизъ увеселеній (туй), получаютъ скотъ, назначенный въ калымъ, и если въ числѣ этого скота окажутся животныя больныя и съ другими недостатками, то требуется ихъ исключеніе и замѣненіе лучшими. Подарокъ отца жениха, по стоимости, далеко не равняется, на этотъ разъ, съ подарками, полученными отъ родителей невѣсты; но такой, повидимому, убытокъ со стороны отца невѣсты вскорѣ же вознаграждается другими путями.

Черезъ два или три года послѣ первоначальнаго сватовства, женихъ посылается родителями къ невѣстѣ съ болѣе цѣнными подарками, называемыми лю. Они состоятъ у богатыхъ киргизъ, считая среднимъ числомъ, изъ 40 и 50 лошадей; при лю непременно должны быть еще и другія подарочныя вещи, состоящія изъ разныхъ шелковыхъ матерій, сукна, ситца и проч., имѣющія назначеніе на такъ называемый жиртысъ (подарки для раздачи женщинамъ), стоимостью доходящія до 200 рублей.

Женихъ, отправляясь къ невѣстѣ, обязанъ одѣваться какъ можно богаче, ѣхать на лучшей лошади, съ лучшею на ней сбруей, которая должна быть съ украшеніями, или изъ чистаго серебра, или, по крайней мѣрѣ, высеребреными. Шапки женихъ не можетъ надѣть на голову, потому что въ ней лицо его бываетъ совершенно открыто, а порядокъ киргизской вѣжливости требуетъ, при такихъ случаяхъ, чтобы лицо жениха оставалось полузакрытымъ; потому онъ

долженъ вмѣсто шапки надѣвать малахай, обшитый, на этотъ разъ, галунами⁽¹⁾. При женихѣ бываютъ трое или четверо товарищей; изъ нихъ одинъ долженъ быть старшій, на обязанности котораго лежатъ хозяйственныя распоряженія, напр. раздача подарковъ и проч. Въ числѣ же свиты богатыхъ жениховъ, кромѣ того, бываютъ уленчи (пѣвецъ), шутники и остряки.

По пріѣздѣ жениха въ ауль невесты, родитель послѣдней осматриваетъ пригнанный на лю скотъ и если найдетъ его въ маломъ для себя количествѣ головъ, или съ недостатками, то бѣднаго жениха гонятъ назадъ и не пускаютъ въ ауль. Онъ долженъ доставить тестю вполне желаемое количество лю и только тогда уже принимается радушно и съ нѣкоторымъ почетомъ. Весьма естественное желаніе въ первый, представляющійся при этомъ, законный случай видѣть свою невесту,—нерѣдко заставляетъ самаго расчетливаго жениха согласиться на самыя безсовѣстныя требованія тестя⁽²⁾. Наконецъ, удовлетворенный вполне, отецъ невесты позволяетъ жениху пріѣхать въ свой ауль.

Версты за двѣ ставится шатеръ, куда заблаговременно стекаются изъ окрестныхъ ауловъ женщины, приглашенныя для встрѣчи жениха. При выходѣ женщинъ изъ шатра, подѣхавшіе въ это время туда же женихъ и его свита должны спѣшиться, и когда тѣ подойдутъ къ нимъ близко, женихъ, опустивъ руки, низко кланяется, что называется тяжимъ. Потомъ ближайшая родственница невесты беретъ его за руку

(¹) Женихъ, тестю, тещѣ, шурьямъ и вообще всѣмъ старшимъ родственникамъ тестя, до вѣнчанія, не долженъ показывать свое лицо; поэтому, при нечаянныхъ съ означенными лицами встрѣчахъ, женихъ или прячется скорѣе, или убѣгаетъ въ сторону.

(²) Тайныя свиданія жениха съ невестой до перваго его визита (урунъ келу) запрещаются строго и если родственники дѣвушки замѣтятъ такія свиданія, то женихъ за это отдѣляется не дешево: его накажутъ штрафомъ или, если онъ попадется въ руки, то и запросто нагайкой.

и вводитъ, въ сопровожденіи всей свиты, въ поставленный шатеръ, убранный коврами и съ отличною постелью. Тутъ старшій въ свитѣ жениха (утагасы) раздаетъ женщинамъ часть привезенныхъ подарковъ, — родственницамъ невѣсты кусками, а прочимъ по 1-му и по 2 аршина разныхъ матерій; дочерямъ родственниковъ невѣсты дается особый, довольно цѣнный подарокъ, называемый курумдюкъ. Двѣ части или два тугуза; т. е. два раза по девяти штукъ вещей отсылаются къ тестю; вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему же посылаются на показъ лошадь и бывшая на ней сбруя, которыя, если понравятся, тесть беретъ себѣ, если же не понравятся, то потребуютъ отъ жениха лучшую лошадь и сбрую, и хотя не тотчасъ, но всеже слѣдуетъ доставить ихъ, согласно желанію тестя.

Между тѣмъ въ самомъ аулѣ рѣжется на туй (пирь) скотина, и начинаются увеселенія; происходятъ скачка, стрѣльба, борьба, играютъ на балалайкахъ и поютъ, восхваляя въ стихахъ жениха, невѣсту и родителей ихъ, за что импровизаторы получаютъ награды. Во все это время, женихъ остается въ шатрѣ, окруженный женщинами и дѣвцами, исключая невѣсты. Каждая изъ присутствующихъ имѣетъ право требовать отъ него тяжима, т. е. поклона, и онъ не можетъ присѣсть, пока ему этого не позволятъ. Обыкновенно женщины долго держатъ жениха на ногахъ и требуютъ поклоновъ, а за неисполненіе этого, всякая изъ нихъ имѣетъ полное право дать жениху пощечину или толчекъ; если и это не подѣйствуетъ, то разсорятся и разойдутся, что влечетъ за собою серіозную неприятность: напр. тесть можетъ прогнать жениха. Впрочемъ, теперь у нѣкоторыхъ смысленыхъ ордынцевъ, обычай этотъ выводится. Къ удовольствіямъ жениха можно отнести то, что во все время пребыванія его въ аулѣ невѣсты, онъ окруженъ дѣвцами, вообще питающими особое сочувствіе къ кусвамъ (женихамъ).

Наконецъ настаетъ ночь; родители невѣсты ранѣе обыкновеннаго ложатся спать, а женщины уводятъ невѣсту въ ближайшій другой ауль (но все еще не къ жениху). Тамъ на этотъ вечеръ готовится особая кибитка, хозяину которой женихъ долженъ подарить лошадь или хорошій халатъ, называемый кызъ-гачаръ. Здѣсь образуются двѣ партіи: одна наемная, служащая въ пользу жениха, а другая сторонники невѣсты, которую при этомъ прячутъ; сторонники жениха розыскиваютъ ее и когда найдутъ, то начинается тартысь (борьба), цѣлью которой одной партіи отстаивать невѣсту, а другой отнять ее. Подъ конецъ, изранивъ кто руку, кто носъ и порядкомъ разорвавъ свои платья,—всегда одерживаютъ верхъ сторонники жениха, которые и передаютъ невѣсту въ руки женгамъ (женамъ братьевъ невѣсты), а эти отправляются съ нею къ жениху.

Между тѣмъ, пока въ аулѣ производился помянутый тартысь, женихъ переводится изъ шатра въ кибитку тестя, который, какъ замѣчено выше, въ это время долженъ спать. Здѣсь, на лѣвой сторонѣ кибитки, около дверей ея, постигается лучшая постель для жениха и при ней протягивается шелковый, или изъ другой какой либо матеріи, занавѣсъ. Какъ только женихъ вступить чрезъ порогъ въ кибитку, его заставляютъ три раза кланяться и потомъ, подведя къ огню, разводимому посреди кибитки, даютъ ему въ руки желѣзный ковшъ, наполненный растопленнымъ саломъ, которое женихъ выливаетъ на огонь; пламя вспыхиваетъ, а старухи, въ это время, подходя къ огню и приложивъ сперва къ нему руки, дѣлаютъ за тѣмъ у себя на лбу и на груди знаменіе пальцами; послѣ того садятъ жениха на постель, подается ему ужинъ и наконецъ всѣ посторонніе уходятъ.

При приводѣ невесты къ жениху исполняется женщинами слѣдующее: у дверей кибитки ложится какая нибудь старуха, представляясь умершею; ей женихъ даетъ маленькій подарокъ, называемый кемпръ-ульди⁽¹⁾. Около постели ложится другая, представляясь собакой, готовой укусить и не пропустить невесту къ постели; чтобы усмирить ее и удалить отъ себя, женихъ бросаетъ ей другой подарокъ, называемый ить-ирылдаръ (собачій лай), и она, удовлетворенная брошеннымъ кускомъ, удаляется. Затѣмъ, когда приведутъ невесту къ жениху и она сядетъ съ нимъ рядомъ, одна изъ женщинъ держитъ край одѣяла, какъ бы желая накрыть имъ, за что получаетъ награду: курпе-кымылдатаръ (шевелить одѣяло).

Послѣ этого женихъ съ невестой ложатся спать⁽²⁾.

Женихъ, пробывъ въ аулѣ тестя не болѣе трехъ дней, отправляется назадъ; при отъѣздѣ снимаются съ него бывшія на немъ одежды и взаменъ даются кое-какія.

Такъ до окончательнаго еще бракосочетанія, женихъ можетъ, съ болѣе или менѣе цѣнными подарками, для раздачи женщинамъ, ѣздить къ невестѣ неофициально и часто. Всѣ почти киргизы, бывшіе женихами, признаютъ самую веселою и пріятною для себя порою жизни время такихъ частныхъ посѣщеній невесты до бракосочетанія.

Послѣ перваго визита жениха къ невестѣ (урунъ келу) родители невесты начинаютъ готовить приданое, состоящее изъ многочисленныхъ ковровъ, халатовъ и шубъ. Заказывается серебрякамъ саукеле, — дорогой головной уборъ,

(1) Кемпръ-ульди въ переводѣ означаетъ: старуха умерла.

(2) Не лишнее при этомъ замѣтить, что законъ магометанскій строго запрещаетъ подобный соблазнъ до вѣнчанія; но киргизы имѣютъ свои обычаи и жениху, при объясненномъ случаѣ, нѣтъ ничего запрещеннаго.

для ношенія молодою, по бракосочетаніи, въ теченіе одного года. Независимо отъ главнаго приданаго, о которомъ заботится отецъ, любящая мать готовитъ для дочери, тайкомъ отъ мужа, другія необходимыя для женщинъ вещицы, какъ то: браслеты, серьги, платья и проч.

Приданое, конечно, не равно у всѣхъ. Для примѣра упомяну здѣсь о приданомъ одного знакомаго мнѣ богача. Онъ отдалъ дочери: 25 верблюдовъ, собственно для выючки кибитки и приданаго, которое состояло изъ 125 халатовъ, канаусовыхъ, шелковыхъ и простыхъ; 50 ковровъ, изъ нихъ 20 большихъ, дорогихъ, остальные посредственнаго качества и цѣны; 25 шубъ, изъ нихъ одна енотовая, 10 лисьихъ, остальные корсучьи и волчьи, всѣ покрытыя сукнами и шелковыми матеріями; кибитку, стоящую не менѣе 300 рублей; пять лошадей, изъ нихъ двухъ иноходцевъ, назначавшихся собственно для дочери; конскую сбрую, стоящую болѣе ста рублей; постель, одѣяла, платья для молодой и хозяйственныя вещи, какъ то: посуду, кошмы и проч. стоящія, полагаю, не менѣе 400 руб.

Во всякомъ случаѣ у совѣстливыхъ, состоятельныхъ киргизовъ, выходитъ на приданое не менѣе взятаго ими калыма съ прочими полученными отъ жениха подарками⁽¹⁾; только къ несчастію, это приданое, даваемое вовсе не въ видахъ доставленія дочери, въ будущности нужнаго въ домашнемъ быту, а лишь для славы самихъ родителей, не приноситъ молодымъ и десятой доли существенной пользы, срав-

⁽¹⁾ Бываютъ однако и такіе случаи, что отобравъ на калымъ и на другіе подарки почти все имѣніе жениха, отдають ему подъ конецъ одну его невѣсту съ голою кибиткой; хотя иногда женихи претендуютъ на это и заявляютъ жалобу ордынскому начальству, но подобныя претензіи, по киргизскимъ обычаямъ, рѣдко получаютъ удовлетвореніе.

пительно съ наличными деньгами и скотомъ, уплаченнымъ въ калымъ. Много случается и такихъ свадебъ, когда киргизы, потративъ большую часть своего скота на калымъ, лю и проч. подарки, подь конецъ терпятъ горькую нужду, и вещи, полученные за женою, мало помогаютъ горю; да и самыя эти вещи, составляющія приданое, въ первые же дни послѣ привоза ихъ съ молодой женой, раздариваются новобрачнымъ, по обычаю, чуть ли не на половину его родственникамъ.

Когда киргизъ-отецъ пожелаетъ уже окончательно женить сына (не раньше года послѣ помолвки), то, снабдивъ его опять 30, 40 и 50 лошадьми, называемыми, въ этотъ разъ, туй-мазъ, и кромѣ того подарками изъ вещей, опредѣленныхъ на раздачу женщинамъ, также какъ при лю,—отправляетъ жениха съ товарищами въ аулъ невѣсты. Половину, нужной для кибитки молодой, кошмы обязанъ представить тестю самъ женихъ. Кромѣ туй-маза, подаючныхъ вещей и проч., женихъ долженъ еще отдать тестю одного хорошаго верблюда, на такъ называемый сугъ-аки (плата за молоко матери) и другаго на жанама-жаксы, не имѣющаго прямаго значенія.

Когда женихъ пріѣдетъ къ аулу невѣсты, отецъ ея также, какъ и при лю, можетъ отказать (что нерѣдко случается) въ просьбѣ своего свата, если пригнапная скотина почему либо ему не понравится; но, чтобы не длить рассказъ, положимъ, что женихъ принятъ.

Послѣ долгихъ, мучительныхъ приготовленій, бывающихъ собственно къ свадебному дню и длящихся два и три мѣсяца, настаетъ наконецъ ожидаемый день бракосочетанія. Дѣлается въ этотъ день туй: скачка, борьба и проч. Послѣ этого невѣста ходитъ сопровождаемая родственницами и дѣвками, по роднымъ прощаться (танысу). Каждый родствен-

пикъ и близко-знакомые, при такомъ посѣщеніи, должны дѣлать ей подарки; одинъ даетъ коверъ, другой халатъ, а нѣкоторые по нѣскольку ковровъ, халатовъ и шубъ. Вечеромъ того же дня собирается въ кибитку невесты вся молодежь окрестныхъ ауловъ, поются пѣсни и здѣсь производится между дѣвицами и джигитами соревнованіе стихами (айтысу); побѣжденная даритъ побѣдившему свой платокъ, побѣжденный же отдаетъ побѣдившей халатъ. Затѣмъ производится самый обрядъ вѣнчанія⁽¹⁾; тутъ только, какъ бы вспомнивъ совсѣмъ забытое, спрашивается отъ невесты, при двухъ свидѣтеляхъ, о согласіи ея выйти за такого-то за-мужъ. Большею частію брачующіеся молчатъ; это принимается за согласіе и мулла приступаетъ къ чтенію вѣнчальной молитвы. На другой день бракосочетанія приглашаются въ кибитку молодой товарищи ея мужа, которымъ и показываются вещи приготовленныя на приданое. Вещи эти навьючиваются на верблюдовъ и отправляются вмѣстѣ съ прислугою по направленію къ аулу зятя, а для молодой, между тѣмъ, сѣдлается лошадь. Отецъ, мать, братья и всѣ родные ея, обнимаются въ послѣдній разъ и начинается плачь. Много истинныхъ слезъ льется въ этотъ день родными, но всѣхъ безутѣшнѣе плачетъ бѣдная киленчекъ (молодая); долго упрашиваютъ ее снять дѣвичій тюбетей (ермолка) и надѣть неуклюжій саукеле, долго противится она этому, но часъ насталъ, ее одѣваютъ какъ молодую женщину и, посадивъ на лошадь, отправляютъ.

Дочь провожаетъ обыкновенно до аула зятя—сама мать и проживаетъ съ нею тамъ три, четыре дня. При отъѣздѣ ей также дѣлаются подарки, состоящіе изъ лошадей и верблюдовъ.

(¹) Вѣнчаніе производится муллами по обряду магометанской религіи и потому, какъ предметъ, не относящійся собственно къ киргизскому обычаю, описывать здѣсь считаю излишнимъ.

Въ день прїѣзда молодыхъ, собирается въ ауль ихъ толпа празднующихъ ихъ прїѣздъ и любопытствующихъ видѣть какъ молодую, такъ и ея приданое. Кибитка новобрачныхъ становится на правую сторону кибитки отца и въ ней разставляется для показа приданое, которое разсматриваютъ, похвалятъ или побранятъ родителей молодой въ скупости. Любопытные киргизы изъ молодежи заходятъ за занавѣсъ, за которымъ сидитъ новобрачная, открываютъ покрывало на ея лицѣ, смотрятъ на нее и на одежду⁽¹⁾.

Вечеромъ молодую ведутъ въ кибитку тестя, куда предварительно собираются гости и всѣ родственники женившася, а также и пѣвцы. Первый вводъ невестки въ кибитку тестя совершается при слѣдующихъ церемоніяхъ: двѣ женщины берутъ ее подъ руку и, въ сопровожденіи множества женщинъ, вводятъ въ кибитку. Какъ только она вошла,— тотчасъ же обязана сдѣлать колѣнопреклоненіе (салемъ) три раза до очага; затѣмъ на разложенный по срединѣ кибитки огонь должна вылить поданный ей, въ эту минуту, ковшъ сала; къ вспыхнувшему отъ него пламени старухи прикладываютъ ладони, приговаривая: отъ-ауліе, май-ауліе! (огонь святой, сало святое!) Послѣ этого невестку садятъ къ лѣвой сторонѣ кибитки близъ дверей. Пѣвецъ въ это время поетъ ей наставительныя пѣсни, въ родѣ напр: „почитай тестя твоего,—онъ твой отецъ, почитай тещу,—она твоя мать; почитай мужа,—онъ твой хозяинъ; не говори сплетень и т. д.“ По временамъ, когда пѣвецъ скажетъ: „кайнатана бер-салемъ“ (тестю одинъ поклонъ)—сидящая подлѣ новобрачной женщина вдругъ срываетъ съ ея лица покрывало и тотчасъ же опять закрываетъ; молодая затѣмъ встаетъ и дѣлаетъ

(1) Молодая въ первую пору прїѣзда носитъ на лицѣ покрывало, которое снимаетъ только по истеченіи мѣсяца, двухъ и болѣе.

колѣнопреклоненіе. Послѣ всякаго такого поклона тотъ, къ кому онъ относится, долженъ объявить за то подарокъ. Тестъ отдаетъ невѣсткѣ, пожалуй, косякъ лошадей, родственникъ халатъ и т. п. Затѣмъ уводятъ ее въ собственную ея кибитку, гдѣ она получаетъ наконецъ возможность, послѣ утомительнаго дня, предаться отдохновенію. Изъ вещей приданнаго лучшую часть выбираетъ себѣ тестъ; изъ остальныхъ же раздаютъ: по халату, по шубѣ и другими вещами прочимъ родственникамъ женившагося.

Въ заключеніе нужно добавить, что молодая женщина два, три года послѣ замужества не показывается своему тестю и вообще всѣмъ родственникамъ мужа старшимъ его лѣтами; войдя въ ихъ кибитку, она не можетъ идти далѣе 5-ти, 6-ти шаговъ отъ двери во внутрь кибитки; при нечаянныхъ встрѣчахъ со старшими (каинъ-ага) она отвертывается и дѣлаетъ имъ колѣнопреклоненіе, за что получаетъ отъ нихъ благодарственное слово: „кобъ-жаса“ (живи долго). Молодая не можетъ кромѣ того назвать настоящимъ именемъ родственниковъ и родственницъ своего мужа; каждаго изъ нихъ она зоветъ по своему, давъ имъ другое имя, сходственное съ ихъ настоящимъ. Привести къ ясному пониманію этого обычая можетъ слѣдующій анекдотъ:

Нѣкій киргизъ имѣлъ пятерыхъ сыновей, которые именовались: куль (озеро), камышъ, каскыръ (волкъ), кой (баранъ), пичакъ (ножикъ); сноха ихъ пошла за водой и увидѣла, что за озеромъ, около камыша, волкъ ѣстъ барана, прибѣжавъ къ аулу, она закричала: „на той сторонѣ сіяющаго, на этой сторонѣ шевелящагося, бляющаго ѣстъ воюющій, несите туда рѣжущаго“!

О Ч Е Р К Ъ

ОБЫЧАЕВЪ ПРИ ПОХОРОНАХЪ И ПОМИНКАХЪ У КИРГИЗОВЪ ОРЕНБУРГСКАГО ВЪДОМСТВА.

Обыкновенно киргизы не держатъ умершаго болѣе трехъ, четырехъ часовъ, а много полсутокъ; тотчасъ же въ кибитку умершаго приглашаются, изъ окрестныхъ ауловъ, муллы, которые, съ поспѣшностію, и являются туда. По совершеніи надъ покойникомъ полнога, по шаріату⁽¹⁾, омовенія,—раздаются бѣднымъ платья умершаго и затѣмъ подарки мулламъ, называемые *искать*. Искать, по понятіямъ киргизъ, есть продажа мулламъ грѣховъ покойника, за узаконенную плату; по шаріату же Магомета искать должно раздать бѣднымъ людямъ, въ видѣ приношенія Богу за пропущенныя покойнымъ при его жизни, считая со времени его совершенствія, установленныя богомоленія (пять разъ въ день) и за проведенія безъ поста Рамазана (названіе мѣсяца, въ которомъ мусульмане должны поститься); при этомъ шаріатомъ не опредѣлено для мулль выражаться: „принимаю грѣхи умершаго“ (кутерденбе? кутердимъ и т. д.); а заставляютъ говорить это мулль сами киргизы. По шаріату за каждый день жизни умершаго полагается искать по 30 фунтовъ пшеницы, а за постный мѣсяць Рамазанъ по 35 фунтовъ,—всего на 365 дней—277 пудовъ 20 фунт. пшеницы; количество это оцѣнивается, по мѣстной цѣнѣ на деньги, а день-

(¹) Шаріать—ученіе Магомета.

ги мѣняются на скоть, который и долженъ раздаваться мулламъ. Такъ какъ по такому исчисленію требовалось бы отъ семейства умершаго слишкомъ много скота или денегъ, такъ что у инаго не достало бы на уплату всего имѣнія, то обыкновенно муллы, для исполненія, по крайней мѣрѣ, законной формы, оцѣниваютъ скотину опредѣленную на искать не въ примѣръ дорожке ея стоимости; напр. лошадь, цѣною въ 20 руб., оцѣниваютъ во сто и болѣе рублей, и за эту цѣну принимаютъ скоть отъ дающаго. Обрядъ этотъ исполняется киргизами слѣдующимъ образомъ: на одной сторонѣ покойника, около головы, долженъ сидѣть его сынъ или родственникъ, а на другой мулла, съ кораномъ въ рукѣ,—и сколько лѣтъ было умершему со времени, какъ замѣчено выше, его совершеннолѣтія (которое считается у дѣтей состоятельныхъ киргизъ съ 13 лѣтъ, а у бѣдныхъ съ 15 лѣтъ), столько же разъ передается муллѣ родственникомъ покойника коранъ, чрезъ тѣло умершаго, съ вопросомъ: принимаешь ли грѣхи отца моего, брата, или вообще такого-то моего родственника? Мулла, получая коранъ, отвѣчаетъ: „принимаю и т. д.“ (1). Когда выносятъ тѣло изъ кибитки,—жены покойника поднимаютъ страшный ревъ, чему вторятъ и прочія аульныя женщины, царапая лица до того, что онѣ покрываются кровью; ранъ на лицѣ супругъ покойника остается тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе онѣ хотятъ выказать передъ людьми постигнувшее ихъ горе. Затѣмъ совершается, по магометанскому закону, муллами моленіе (жиназа) надъ тѣломъ покойника, которое, послѣ того, увозится къ могилѣ.

(1) По шаріату должна передаваться черезъ тѣло какая либо дорогая, принадлежащая умершему, вещь; при чемъ слѣдуетъ вопросъ муллѣ: принимаешь ли эту вещь на приношеніе, за пропущенные настоящимъ покойникомъ моленія и посты? Мулла долженъ отвѣтить: принимаю. Въ теперешнее время преимущественно придерживаются и въ ордѣ настоящаго законнаго порядка иската.

Могила готовится на самомъ высокомъ, въ окрестности аула, мѣстѣ; при чемъ памятникъ складывается какъ можно выше, чтобы его видно было на дальнее разстояніе, на самый же верхній конецъ памятника мушкетеры ставятъ еще копье, а на могилахъ женщинъ палку (баканъ или писпекъ), на таковыхъ же ребенка—люльку. Могила эти извѣстны всѣмъ мѣстнымъ киргизамъ и служатъ какъ бы маякомъ для путника, ѣдущаго по голой, бездорожной степи, и киргизъ, взявъ нужное по нимъ направленіе, ѣдетъ какъ по столбовой дорогѣ. При выборѣ мѣста для погребенія усопшаго соблюдается еще и то, чтобы могила была близъ воды, дабы проѣзжіе находили по ней источникъ для утоленія жажды.

Со дня смерти мужа, жена его на обыкновенный головной платокъ надѣваетъ еще черный, называемый кара. Она, ея дочери, родственницы и аульныя женщины встаютъ каждый день (до поминокъ) съ восходомъ солнца и въ продолженіе трехъ, четырехъ часовъ, обративъ лицо къ рѣшеткамъ кибитки,—громко поютъ плачевныя пѣсни по умершемъ, называемыя даусъ. Въ пѣсняхъ этихъ восхваляютъ самого покойнаго, его дѣянія въ жизни, упоминаютъ также о кончинѣ и несчастіи, постигшемъ его семейство и ближнихъ. Воспѣваніе, при гостяхъ, о жизни покойника представляется его дочери или женѣ, если она молода, когда же послѣднія сами не въ состояніи сочинять стихи, то просятъ другихъ способныхъ и выучиваютъ стихъ наизусть.

Между тѣмъ начинаютъ съѣзжаться близкіе родственники, живущіе въ-далекѣ, друзья и знакомые покойнаго, для совершенія въ бывшей его кибиткѣ моленія. Смотря по богатству и сочувствію къ умершему, пріѣзжающіе приводятъ съ собой на издержки по похоронамъ, двѣ, три, семь и десять лошадей, или верблюдовъ, называемыхъ въ этомъ слу-

чаѣ аза. Этихъ посѣтителей родственники умершаго встрѣчаютъ съ большимъ почетомъ, а женщины тою же плачевною пѣснью, которую перестаютъ пѣть только тогда, когда гости, наслушавшись ихъ, пожелаютъ совершить моленіе (бата).

Конскія сбруи, платя, оружія и вообще всѣ лучшія вещи покойнаго развѣшиваются въ кибиткѣ; затѣмъ на лѣвой сторонѣ ея ставятъ длинное копье, которое конечностію выходитъ наружу. На самый верхъ копья привязываютъ большой платокъ, смотря потому, если умершій былъ молодой, то красный; если среднихъ лѣтъ—черный; если старикъ—бѣлый. Цѣль этого та, чтобы проѣзжающій зналъ по выставленному знаку, кто въ кибиткѣ той умеръ и какихъ лѣтъ. Всѣ эти вещи выставляются иногда съ годъ. Черезъ сорокъ дней или черезъ годъ дѣлаются поминки.

За мѣсяць до этого дается знать окольнымъ и дальнимъ ордынцамъ о предполагаемомъ днѣ поминокъ, на который желающіе должны готовить лошадей для скачки. Къ назначенному сроку, ставятся около аула множество кибитокъ въ рядъ, собранныхъ съ окольныхъ ауловъ; затѣмъ рѣжется скотина для угощенія.

Поминки богатыхъ киргизъ для устраивающаго ихъ вообще есть большое разореніе, такъ напр. на поминкахъ одного извѣстнаго мнѣ богача зарѣзано было до 100 лошадей и болѣе того барановъ, употреблено 30 пудовъ сорочинской крупы и пудовъ 10 кишмишу; гостей же было столько, что они помѣщались въ 200 кибиткахъ; кромѣ того на призы при скачкѣ: первой лошади назначено было 40 лошадей и 4 верблюда⁽¹⁾ и т. д.

(¹) Надо замѣтить, что бываютъ призы гораздо большіе, а въ старину на это назначеніе давались, въ числѣ прочихъ предметовъ, невольницы (жетымъ).

Кибитки, поставленные для гостей, по обыкновенію устилаются коврами и одѣялами; въ эти-то помѣщенія и стекаются всѣ приглашенные. Каждый пріѣзжающій почетный киргизъ долженъ привезти съ собой кумыза и сабу (кожаная посуда для этого напитка); при чемъ сабу старшаго лица ставятъ старшему же. При угощеніи мясомъ каждому киргизу, смотря по его почетности, слѣдуетъ поставить должную часть мяса, именно: старикамъ и мулламъ—голову, у которой одно ухо отдается мальчику; султанамъ и вообще почетнымъ лицамъ:—жая (берцовая кость), ребра, кусочекъ печени и сала. Внутренности даются аульнымъ женщинамъ, шея—табунщику лошадей, ноги и почки—мальчикамъ; несоблюденіе этихъ обычаевъ считается большою обидою для гостей.

Послѣ угощенія мясомъ, пловомъ и кумызомъ всѣхъ собравшихся, выѣзжаютъ на степь смотрѣть скачку, гдѣ, кромѣ того, производится борьба, и побѣдившіе получаютъ небольшіе призы, которыми впрочемъ хозяинъ первой прискакавшей лошади и борющіеся, сами сполна не пользуются, а они расхватываются родственниками и знакомыми ихъ, такъ что хозяинъ лошади или поборовшій остается иногда съ одною только славой побѣды.

По окончаніи скачки гости разъѣзжаются, всѣ развѣшанные въ кибиткѣ умершаго вещи убираются, а копьѣ, на которомъ былъ прикрѣпленъ значекъ, сламливается, по прочтеніи муллою по умершемъ молитвы; черный платокъ съ жены умершаго снимается, и все затѣмъ обращается въ обыкновенный видъ.

Поминки дѣлаются только по мужчинамъ, а по женщинамъ, хотя и случается, но не такъ пышно, какъ выше-поясненные, кромѣ угощенія, скачекъ и другихъ увеселеній не дѣлается и знаковъ о смерти женщины на кибиткѣ не ставится. По смерти же несовершеннолѣтнихъ дѣтей, кромѣ

похоронъ, ничѣмъ не отличающихся отъ вышеизложенныхъ, никакихъ поминокъ не бываетъ.

Алтынсаринъ.

Замѣтки на статью г. Алтынсарина «Очеркъ киргизскихъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ», читанную въ Оренбургскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 23 марта 1868 года.

Статья г. Алтынсарина имѣетъ несомнѣнный интересъ и по обилію подробностей, характеризующихъ бытовую особенность киргизской жизни, составляетъ богатый матеріалъ для этнографіи этого народа, а потому я отнюдь не ставлю въ упрекъ автору тѣхъ незначительныхъ недостатковъ, которые замѣчаются въ его трудѣ.

На первый взглядъ человѣка, даже хорошо знакомаго съ бытомъ киргизовъ, рассматриваемая статья заключаетъ въ себѣ по видимому полное типическое описаніе киргизскихъ обычаевъ при сватовствѣ и свадьбѣ; но если разсмотрѣть ее въ мелочахъ, то въ ней оказываются мѣстами—пропуски, мѣстами—непоследовательное изложеніе нѣкоторыхъ обычаевъ, существующихъ у киргизовъ при указанныхъ случаяхъ. Произошло это вѣроятно отъ-того во-первыхъ, что статью свою г. Алтынсаринъ писалъ какъ общій очеркъ киргизской свадьбы, не имѣя въ виду научной цѣли; во-вторыхъ, при многосложныхъ обрядахъ, которыми сопровождаются сватовство у ордынцевъ и празднованіе бракосочетанія, весьма трудно описать какъ бы прототипъ киргизской свадьбы. Въ настоящее время у киргизовъ, смотря по ихъ средствамъ и самому пониманію вещей, такъ много отступленій отъ коренныхъ свадебныхъ обрядовъ, что едвали найдутся между ними люди, исполня-

12.

ющіе ихъ въ точности: что дѣлаетъ одинъ—того не соблюдаетъ другой; у нѣкоторыхъ же исполняются лишь только тѣ главные и освященные стариной обряды, безъ которыхъ уже ни одинъ киргизъ обойтись не можетъ. Вотъ почему и моя статья, въ соединеніи съ описаніемъ г. Алтынсарина, можетъ имѣть свои недостатки и вызвать въ послѣдствіи новыя дополненія и возраженія. Здѣсь, по возможности, я хочу описать лишь то, что, по кореннымъ обычаямъ киргизовъ и вновь привившимся къ ихъ жизни, должно соблюдаться, а можетъ быть, и соблюдается нѣкоторыми при свадьбахъ.

Выше я уже сказалъ, что г. Алтынсаринъ писалъ свою статью, какъ общій очеркъ, разбирая киргизскую свадьбу послѣдовательно, отъ начала перваго соглашенія родителей жениха и невѣсты, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ касаясь даже побочныхъ обстоятельствъ, относящихся къ свадьбѣ. Въ этомъ же порядкѣ и я буду разсматривать его статью.

Г. Алтынсаринъ, между прочимъ, говоритъ: *состоятельный киргизъ не задумается женить сына 11 и 12-ти лѣтъ, а если подойдетъ такого рода случай, напр. если у отца одинъ сынъ и ему захочется имѣть сноху или, какъ выражаются киргизы, порадоваться счастьемъ своихъ дѣтей, то женятъ 8 и 9 лѣтъ. Точно также выдаются за-мужъ и двѣушки лѣтъ десяти и моложе, смотря тоже по обстоятельствамъ.*

Противъ этого нужно вообще замѣтить, что браки малолѣтнихъ дѣтей, какъ напр. 8 и 9 лѣтъ, могутъ считаться въ настоящее время исключительными и существуютъ больше въ степныхъ родахъ, гдѣ не сложились еще, какъ слѣдуетъ, понятія ни о необходимости для супружества достигнуть извѣстнаго возраста, ни о взаимныхъ обязанностяхъ мужа и жены. Обыкновенно принято у киргизовъ выдавать

сосватанныхъ невѣстъ между 13-мъ и 15-мъ годомъ (*) и только богатые не отдаютъ дочерей въ замужество лѣтъ до 20-ти, иногда и долѣе. Относительно браковъ малолѣтнихъ со взрослыми, г. Алтынсаринъ, ссылаясь на различные обстоятельства, вынуждающія подобныя браки, не разъясняетъ въ своей статьѣ: отъ чего именно зависятъ эти обстоятельства; здѣсь не лишнее сказать и объ этомъ. Въ подобныхъ случаяхъ для киргизовъ служитъ основаніемъ отчасти нравственная цѣль, отчасти экономическая. Вотъ этому примѣры: 1) Умираетъ женихъ, достигшій, положимъ, 18-ти лѣтняго возраста и выплатившій за невѣсту калымъ. Невѣста, иногда равныхъ лѣтъ съ умершимъ женихомъ, должна, по обычаямъ киргизовъ, принадлежать его брату по старшинству лѣтъ. Если послѣднему не болѣе 8 или 9 лѣтъ, въ такомъ случаѣ невѣсту послѣ покойнаго брата стараются взять скорѣе, чтобы сохранить ея нравственность, а главное для того, чтобы она, въ ожиданіи пока будущій супругъ ея достигнетъ извѣстнаго возраста, увлеченная, быть можетъ, любовью другаго,—не успѣла выйти тайно, а это для родителей невѣсты не выгодно, такъ какъ они должны возвратить взятый за нее калымъ, иногда съ чувствительной надбавкой.

2) Часто, послѣ смерти отца и матери невѣсты, не имѣющей состоятельныхъ родственниковъ, беретъ ее еще ребенкомъ, на пропитаніе, отецъ жениха, чтобы не пропалъ выплаченный за нее калымъ. Дѣти растутъ въ такомъ случаѣ вмѣстѣ и какъ только начинается въ нихъ проявленіе естественныхъ побужденій, то родители предоставляютъ имъ полную свободу взаимнаго удовлетворенія похоти. Нужно замѣ-

(*) 15-ти лѣтняя дѣвушка у киргизовъ считается настоящей хозяйкой дома (юйдынъ-исы),

тить вообще, что страсть къ половымъ побужденіямъ у киргизовъ, какъ между мущинами, такъ и женщинами, развивается весьма рано,—вотъ почему и супружество между малолѣтними не удивительно.

3) Иногда родители высватанной невѣсты, по своей бѣдности, добровольно отдаютъ ее, еще ребенкомъ, отцу жениха на пропитаніе до извѣстнаго возраста, и по достиженіи его сосватанные вступаютъ въ супружество при тѣхъ-же условіяхъ, о которыхъ говорено выше.

Въ статьѣ г. Алтынсарина сказано: „послѣ смерти старшаго брата въ семействѣ, жена его, какъ бы по наслѣдству, выходитъ въ замужество *непремѣнно* за роднаго брата умершаго ея мужа“.

Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ вдова достается брату покойнаго по старшинству лѣтъ, но этотъ обычай у киргизовъ нельзя считать *непремѣннымъ*. Старшій за умершимъ братъ можетъ отказаться отъ вдовы въ пользу младшаго, но въ такомъ случаѣ, послѣдній долженъ заплатить первому лошадь и халатъ (атъ-чапанъ). Мало того, вдова, по добровольной уступкѣ прямыхъ на нея претендентовъ, можетъ выйти изъ своего семейства въ болѣе отдаленное родство и тогда взявшій ея долженъ за эту уступку заплатить старшему въ семействѣ: верблюда, лошадь и чапанъ. Въ послѣднемъ случаѣ вдова, если при жизни покойнаго мужа заслуживала уваженіе семейныхъ, снабжается постелью, разнымъ платьемъ и другими вещами, по желанію бывшаго ея тестя. Въ противномъ же случаѣ ее отпускаютъ безъ всего.

Къ особому примѣчанію въ статьѣ г. Алтынсарина, о посягательствѣ на права киргизовъ въ отношеніи ко вдовамъ, считаю не лишнимъ прибавить отъ себя нѣсколько словъ, характеризующихъ въ глазахъ киргизовъ важность споровъ

о вдовахъ, такъ напр. если въ общественномъ собраніи ордынцевъ, при рѣшеніи какого либо дѣла, явится человѣкъ, не отстаившій въ спорѣ правъ своихъ на вдову и уступившій ее въ другой родъ, — то его лишаютъ права голоса и останавливаютъ отъ сужденій, обыкновенно, такими словами: „джаманъ-черкенъ, джисырынъ айрылыпъ-калайчъ журъсынъ, ульсѣнче“ (ничтожный, скверный, отъ вдовы отдѣлившійся, — какъ на землѣ ходишь, умри).

По словамъ г. Алтынсарина: „лишившійся жены можетъ жениться на другой, но не иначе какъ по уплатѣ второму тестю айба (штрафа)“, но авторъ не говоритъ, что штрафъ этотъ потому-то и платится сверхъ условленнаго калыма, что женихъ вдовецъ (по киргизки уй-сынныкъ), слово переведенное г. Алтынсаринымъ такъ: „изломанная кибитка“, выражая этимъ понятіе: „раззоренности“. Переводъ слова дѣйствительно точный, но, по объясненію киргизовъ, оно имѣетъ нѣсколько другое значеніе: уй-сынныкъ — выраженіе аллегорическое и говорится въ томъ смыслѣ, что вдовецъ, какъ женихъ, не можетъ имѣть того значенія, какъ женихъ-холостякъ, или если выразиться иначе: утратилъ уже золотое время молодости.

Далѣе, во второмъ отдѣлѣ своей статьи г. Алтынсаринъ, говоря о размѣрѣ калыма, даваемого за невѣсть, — пишетъ между прочимъ, что калымъ въ 50 лошадей — составляетъ бисъ-жигырмà; это несовсѣмъ такъ: 50 лошадей — составляютъ не бисъ, то есть, не пять жигырмà, а двѣ съ половиной жигырмы (икижарымъ жигырмà). Жигырма, т. е. 20 головъ, объясняется у киргизовъ вотъ какимъ расчетомъ:

По калыму перваго разряда:

16-ть лошадей (считая тутъ въ будущемъ приплодъ отъ 4-хъ большихъ матокъ), — что составитъ 20 головъ, или од-

ну жигырма, слѣдовательно 50 головъ равняются $2\frac{1}{2}$ жигырма (¹).

По калыму втораго разряда:

60 барановъ съ приплодомъ, въ будущемъ, отъ 20 овецъ—всего 80 головъ, или одна жигырма.

По калыму третьяго разряда:

16-ть коровъ съ приплодомъ, въ будущемъ, отъ 4-хъ составить 20 головъ, или одна жигырма.

По калыму четвертаго разряда:

4 верблюда—или одна жигырма.

По калыму пятаго разряда:

2 верблюда, 2 лошади—или одна жигырма.

Взамѣнъ калыма по пятому разряду даютъ иногда: 2 верблюда, 1 лошадь и ружье (²).

По кореннымъ обычаямъ ордынцевъ *басъ-жаксы*, плата отъ жениха на головной уборъ невѣсты,—должна существовать; но въ Средней и Западной частяхъ бызшей области Оренбургскихъ киргизовъ обычай этотъ не соблюдается, придерживаются же его, по словамъ стариковъ, больше киргизы средней, но не меньшей орды, и если г. Алтынсаринъ, въ своей статьѣ, упомянулъ о *басъ-жаксѣ*, то вѣроятно по отношенію къ киргизамъ Восточной части, изъ коихъ напр. Аргынцы, по происхожденію своему, принадлежатъ къ Средней ордѣ (урта-жюзъ).

Послѣ условія о калымѣ съ отцомъ невѣсты, родители жениха посылаютъ къ нему *кудаци* (сватевъ), отъ 5 до

(¹) Состоятельные киргизы даютъ, иногда, несравненно больше скота; но приводимыми здѣсь примѣрами я хочу показать обще-принятые размѣры калымовъ, смотря по состоянію киргизовъ.

(²) У дальнихъ степныхъ киргизовъ, какъ напр: у Адаевцевъ, Тазовцевъ, Чумичли-табынцевъ, Чиклинцевъ,—жигырма составляютъ; или 40 кобыль, или 150 барановъ, или 8 верблюдовъ.

10 человекъ. Я нахожу не лишнимъ прибавить здѣсь, что въ Средней и Западной частяхъ кудачи посылаются по количеству условленныхъ жигырма въ калымъ.

Г. Алтынсаринъ чрезвычайно вѣрно изобразилъ разныя шалости, устраиваемыя женщинами по приходѣ кудачей въ кибитку отца сосватанной дѣвушки и называемыя *кудалыкъ*, но здѣсь у мѣста будетъ замѣтить, что отъ всего этого кудачи, по желанію, могутъ откупиться,—кто чѣмъ можетъ.

У г. Алтынсарина сказано: женихъ, отправляясь къ невѣстѣ, долженъ одѣваться какъ можно богаче, ѣхать на лучшей лошади, въ лучшей сбруѣ.

Если женихъ, по бѣдности, не имѣетъ хорошей лошади и платья, то всѣмъ этимъ снабжается онъ близкими родными. Въ этомъ случаѣ отказу не бываетъ.

Въ описаніи урунъ-келю—перваго форменнаго визита къ невѣстѣ—въ статьѣ г. Алтынсарина замѣтны нѣкоторые пропуски, а другіе обряды нѣсколько перемѣшаны и изложены не въ послѣдовательномъ порядкѣ.

На это мѣсто, какъ составляющее весьма важное въ киргизской свадьбѣ, и вообще на всѣ визиты жениха къ невѣстѣ, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Въ примѣчаніи къ описанію урунъ-келю г. Алтынсаринъ говоритъ: *тайныя свиданія жениха съ невѣстой до перваго визита (урунъ-келю) запрещаются строго и если родственники дѣвушки замѣтятъ это, то жениху обходятся не дешево такія посѣщенія.*

Въ строгомъ смыслѣ это дѣйствительно должно быть такъ; но нужно сказать, что до перваго открытаго визита жениха (урунъ-келю) существуютъ еще другія свиданія сосватанныхъ (*жасырынъ-келю*—тайныя свиданія), допускаемыя послѣ перваго условія о сватовствѣ до урунъ-келю и полу-

чившія, такъ сказать, форму обычныхъ обрядовъ. Иногда эти свиданія дѣйствительно сопряжены съ нѣкоторыми затрудненіями, но въ большинствѣ случаевъ успѣху ихъ способствуютъ, напротивъ, сами же родственницы невесты и преимущественно снохи, которыя, изъ-за какого нибудь пустого подарка, бываютъ до такой степени дерзки, что ночью уводятъ къ жениху силой невесту, иногда спящую подъ бокомъ матери. Свиданія эти устраиваются больше въ открытомъ полѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ аула, при чемъ, для нихъ, тайкомъ отъ родителей невесты, — аульныя женщины ставятъ нерѣдко шатры. При такихъ свиданіяхъ женихи иногда даже поколачиваютъ невестъ, за сопротивление своимъ родственницамъ.

Съ пріѣздомъ въ аулъ невесты (при урунъ-келю) женихъ, какъ сказано у г. Алтынсарина, помѣщается въ шатръ, поставленномъ версты за двѣ отъ аула, и ближайшая родственница невесты, въ сопровожденіи другихъ женщинъ, вводитъ жениха въ шатеръ; послѣ чего старшій въ поѣздѣ жениха (утагасы) раздаетъ женщинамъ часть привезенныхъ подарковъ.

Г. Алтынсаринъ не говоритъ, что, при входѣ въ шатеръ, послѣ небольшого отдохновенія, женихъ даетъ въ кибитку невестинаго отца подарки (*шатыръ-байгазы*), за постановку шатра. У богатыхъ подарки эти состоятъ: изъ шелковаго халата, или рубахи, двухъ аршинъ бархата, 3-хъ или 4-хъ аршинъ падшай и десяти аршинъ ситца; у людей же средняго состоянія: изъ ситца, небольшого куска шелковой матеріи, денегъ—преимущественно изъ серебряныхъ мелкихъ монетъ, зашитыхъ, для красоты, на конецъ ситца, вмѣстѣ съ перьями филина. Послѣдній подарокъ развертывается, обыкновенно, передъ любимой женщиной невесты. Что же касается раздачи подарковъ женщинамъ, то это дѣлается не

тотчасъ по прїѣздѣ жениха въ шатеръ, а послѣ нѣкотораго отдохновенія, по мѣрѣ того, какъ женщины окрестныхъ ауловъ, получившія извѣстіе о прїѣздѣ жениха, собираются къ невѣстѣ на пиръ, а какъ онѣ обыкновенно при этомъ спѣшаютъ, то за усталость и получаютъ подарки, называемыя *эньтекне* (за усталость).

Начало самаго пиршества, состоящаго изъ разныхъ увеселеній и игръ, ознаменовывается, по обыкновению, пѣсней *туйбастаръ*, которую поетъ одинъ изъ присутствующихъ пѣвцовъ. Пѣсня эта начинается такъ:

السلام عليكم جنكا كیلدوك
بخشی غه جیلغان كوب سلام بیردوک

ساتنه سار سیمبی ننك توی ایتوبسن
تویننکز قوطلی بولسون جیلغان كوب

آنا آنانك قینالادی کیتهدی دیب

قای بالام چیراغمه جیتادی دیب

کوشکینده کوشدونك کورکی کوکارشینم

حاضر کیتسه قدرونك اوتهدی دیب

بو طویدونك بز آلامز طوی باصطارین

قوبمادی طوی باصطا دیب جولد اصطاریم

ماقبالدو زیرمین چیغارماصانك

کراکماص قویقون سیتسه آقا داصطارونك

1.

Стихъ, относящійся къ гостямъ:

Привѣтствуемъ Васъ! Только, что прїѣхали мы;

Къ добру собравшихся Васъ, премного привѣтствуемъ.

Вы празднуете свадьбу въ добрый часъ Середы;
Поздравляемъ Васъ со свадьбою, о Собраніе!

2.

Къ невестѣ:

Родители горюють, что ты уходишь,
Говоря: кто съ ненаглядной моей сравнится изъ дѣтей?
Ты голубка моя, была красою кочевьи,—
И мы еще больше оцѣнимъ твои достоинства, когда ты
уѣдешь.

3.

Къ родителямъ невесты:

Подарокъ за начало этого пира мы получимъ:
Товарищи мои настаиваютъ, чтобы я началъ пиръ из-
вѣстною пѣсней.

Если не вынете бархатъ, да позументъ,—
Ненужно вашихъ: китайки, ситца, да бѣлыхъ платковъ.
Затѣмъ въ пѣснѣ восхваляется наружность невесты,
душевные ея качества, состояніе,—словомъ всѣ, что можетъ
относиться до настоящаго случая и на сколько къ тому спо-
собенъ пѣвецъ, какъ импровизаторъ; поэтому собственно и
нельзя указать на какую либо опредѣленную пѣснь, при
туй-бастарѣ, за исключеніемъ лишь предъидущихъ строкъ,
которыя въ большинствѣ случаевъ всегда поются для начала
праздника.

Болѣе значительные недостатки въ статьѣ г. Алтынса-
рина встрѣчаются при описаніи имъ ночи, наступившей съ
пріѣздомъ жениха въ ауль невесты, такъ напр. г. Алтын-
саринъ говоритъ, что въ то время, когда, подъ предлогомъ
мнимаго побѣга (кызъ-качаръ), невесту уводятъ въ другой
ближайшій ауль, въ особо приготовленную для того кибит-

ку, то женихъ въ это самое время переводится изъ шатра въ кибитку тестя и остается тамъ въ ожиданіи невѣсты, на приготовленной для него постели, закрытой занавѣской, гдѣ угощаютъ его въ это время ужиномъ.

Противъ этаго нужно сказать, что невѣста изъ сосѣдняго аула, гдѣ скрывается передъ вечернимъ свиданіемъ съ женихомъ, переводится въ свою кибитку раньше жениха, который до окончанія тартыса (борьбы между двумя партиями со стороны жениха и невѣсты), или остается въ шатрѣ, или, какъ чаще случается, переходитъ къ той кибиткѣ, гдѣ происходитъ тартысъ и тамъ, у внѣшней стороны кибитки, сидитъ и любезничаетъ чрезъ рѣшетку съ невѣстой до тѣхъ поръ, пока ее не уведутъ, послѣ состязанія партій, въ свою кибитку. Затѣмъ ведутъ туда и жениха, накормленнаго ужиномъ наканунѣ, въ шатрѣ⁽¹⁾.

При входѣ жениха въ кибитку невѣсты, по описанію г. Алтысарина, исполняются женщинами слѣдующіе обряды: у самыхъ дверей—кемпёръ-ульдѣ (старуха умерла), у постели, гдѣ располагаются женихъ и невѣста:—итъ-ирылдаръ (собачій лай) и курпе-кыймылдатаръ (шевеленіе одѣяла).

Во-первыхъ обряды эти изложены г. Алтынсаринымъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ, во-вторыхъ далеко не всѣ, существующіе при этомъ у киргизовъ. Всѣхъ обрядовъ должно быть восемь, и соблюдаютъ они въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: *кулъ-устатаръ* (держаніе руки), *уюга-кыргызеръ* (входъ въ кибитку), *итъ-ирылдаръ* (собачій лай), *шашъ-сій-наръ* (глаженіе волосъ), *касына-жатаръ* (лежаніе около пе-

(¹) У г. Алтынсарина сказано, что по приходѣ въ кибитку тестя, жениха угощаютъ ужиномъ. Это дѣйствительно бываетъ на другой, или на третій день, но не въ первую ночь свиданія жениха съ невѣстой, ибо въ это время, все что происходитъ въ кибиткѣ тестя, прикрывается нѣкоторою для него тайной, хотя ему впрочемъ и не мѣшаютъ все видѣть и слышать.

вѣсты), *курпе-кыймылдатаръ* (шевеленіе одѣяла), *кемперъ-ульды* (старуха умерла) и *шымылдыкъ-шешеръ* (открытіе полога).

По приводѣ невѣсты въ ея кибитку, послѣ кызъ-качара, женихъ, какъ сказано выше, приходитъ туда же. Въ это время онъ остается не надолго у внѣшней стороны кибитки и черезъ рѣшетку подаетъ невѣстѣ руку, обернутую шелковымъ платкомъ; та отвѣчаетъ ему тѣмъ же (¹). Отъ этаго обрядъ и называется *куль-устатаръ* (держаніе руки).

За входъ въ кибитку (*уюй-кыргызеръ*) даютъ женщинамъ лучшій подарокъ, по преимуществу халатъ.

За *итъ-прылдаромъ* (собачій лай), значеніе коего относится къ жениху, подходящему къ постелѣ невѣсты, слѣдуетъ *шашъ-сійпаръ*—глаженіе волосъ у невѣсты; за что дается шелковой платокъ.

За *касынà-жатаръ* (лежаніе подлѣ невѣсты) дается платокъ, или отъ 5 до 6 аршинъ ситца.

Подарокъ (*курпе-кыймылдатаръ*) дается за первое шевеленіе одѣяла, подъ которое ложатся невѣста и женихъ (²).

Послѣ *курпе-кыймылдатаръ* слѣдуетъ *кемперъ-ульды* (старуха умерла) и наконецъ *шымылдыкъ-шешеръ* (открытіе полога). Пологъ отрываетъ одна изъ женщинъ на другой день, рано утромъ, и получаетъ за это какой нибудь незначительный подарокъ, или деньги.

Слѣдующія за этимъ посѣщенія жениха къ невѣстѣ, повторяющіяся до бракосочетанія довольно часто, называются

(¹) На этотъ разъ рука невѣсты должна быть также завернута платкомъ.

(²) Въ точномъ смыслѣ *курпе-кыймалдатаръ* (шевеленіе одѣяла) принимается при совершеніи самаго акта, и если г. Алтынсаринъ, сказалъ объ этомъ обычаѣ, какъ объ относящемся до одной изъ женщинъ, которая только желаетъ прикрыть жениха и невѣсту, то сдѣлалъ это вѣроятно изъ скромности, по которой, въ своей статьѣ, не рѣшился привести переводъ одной пословицы, относящейся до многоженства у киргизовъ.

калындык-уйнау (игра съ невестой). При этихъ визитахъ родственницамъ невесты, дѣвушкамъ, женихъ также даетъ подарки, состоящіе изъ платковъ, колець. разныхъ мелкихъ вещей и денегъ.

Послѣдній прїѣздъ жениха въ ауль тестя, для взятія невесты, называется *ала-келю*.

Отъ *ала-келю* г. Алтынсаринъ переходитъ прямо къ *таньсу* прощальному дню невесты, при отъѣздѣ изъ своего аула, не говоря ничего объ *утау-жабаръ* и *муйнъ-тастаръ*.

Подъ словомъ *утау-жабаръ* нужно разумѣть первую постановку кибитки, предназначаемой молодой въ приданое. Это дѣлается на другой, или на третій день послѣ прїѣзда жениха для *ала-келю*. Женщинамъ, ставившимъ и убиравшимъ кибитку, даются также подарки изъ платковъ, колець и тому подобныхъ мелочей.

При постановкѣ кибитки совершается въ ней жертвоприношеніе *худай-жуль* (Божье благословеніе). Для этаго рѣжутъ барапа, варятъ въ котлѣ мясо, изъ котораго главную частицу, на этотъ разъ, составляетъ шейная кость, въ цѣльномъ видѣ. Послѣ угощенія кость эту, обглоданную, выбрасываютъ изъ кибитки черезъ чангаракъ (верхній кругъ), для того, чтобы съ такой же быстротой выходилъ изъ нея дымъ, при жизни молодой въ этой кибиткѣ. Обычай этотъ называется *муйнъ-тастаръ*.

Въ день прощанія (*таньсу*), невеста, въ сопровожденіи своихъ подругъ, ходитъ по роднымъ, которые, также какъ и близко-знакомые люди, дѣлаютъ ей подарки. Въ статьѣ г. Алтынсарина не говорится, что при этомъ, въ счетъ подарковъ, возвращаются невестѣ, по большой части, вещи, полученные женщинами при *куль-устатарѣ*, *уйга-кыргызерѣ* и т. п. обрядахъ. Женщины же болѣе дальнихъ ауловъ, гдѣ не-

вѣста побывать не можетъ, присылаютъ ей подарки сами въ день танысу.

По описанію г. Алтынсарина молодую, въ день пріѣзда въ ауль мужа, вечеромъ вводятъ въ кибитку тестя, для отдачи почтенія (салема) и тамъ одна изъ женщинъ, пришедшихъ съ нею, открываетъ ей на короткое время лицо, закрытое покрываломъ, при произнесеніи пѣвцомъ приказанія отдать кому слѣдуетъ поклонъ. Не смѣю оспаривать, что можетъ быть въ Восточной части обрядъ этотъ исполняетъ женщина, но въ Средней и Западной частяхъ дѣлается это самимъ же пѣвцомъ, который приподнимаетъ покрывало, посредствомъ небольшой палочки, привязанной къ концу самага покрывала.

Въ заключеніе своей статьи считаю не лишнимъ привести здѣсь пѣсню, называемую *бэтъ-ашаръ*, которою начинается церемонія открытія лица у молодой.

چوچو بی لار چو بی لار	چوچو بی لار چو بی لار
آلدونكا كیلگان سوز بولسه	آلدونكا كیلگان سوز بولسه
سو یلامی بو بی لار	سو یلامی بو بی لار
جابصار داغی جاص بی لار	جابصار داغی جاص بی لار
بر سوزوم بار آیطامن	بر سوزوم بار آیطامن
کیلیننك بیتن آچامین	کیلیننك بیتن آچامین
قاچوب بارار جمانی	قاچوب بارار جمانی
سونه کوره جیلانی	سونه کوره جیلانی
اویونه کوره ایلووی	اویونه کوره ایلووی
اوصلای بولغان زامانی	اوصلای بولغان زامانی
چو یلدا ی بیرمه سین بی لار	چو یلدا ی بیرمه سین بی لار
آلتون مینن آوزونکدی کوب	آلتون مینن آوزونکدی کوب
اقلی کوب باص بی لار	اقلی کوب باص بی لار
قayıطامین آیطامنده	قayıطامین آیطامنده
بیت آلدونان قاشامن	بیت آلدونان قاشامن
جرینه کوره قولانی	جرینه کوره قولانی
قزنه کوره کویاووی	قزنه کوره کویاووی
آزغنه آرطیس کیم طارطیس	آزغنه آرطیس کیم طارطیس

کیلین کیلیدی کورونکز • کورمدوگون بیرونکز
آلا قولا دیهانکز • توسین ایتوب قویونکز
آناؤ قاین آتانکا بر سلام •

Тише тише Біи, тише Біи,

Перестаньте шумѣть, о Біи!

Если коснется васъ какое слово,—

Не говорите много Біи, а завяжите ротъ платкомъ.

О возсѣдающіе съ боку (кибитки) молодые Біи,

Многоумные, главные Біи!

Кое-что имѣю я сказать.

Коль скоро скажу и уѣду,

Открывъ лицо невѣсты

И скрывшись затѣмъ отъ ея взора.

Кому не любо—тотъ убѣжитъ:

Какова земля—таковъ и куланъ,

Какова вода—такова и змѣя,

Какова дѣвушка—таковъ и женихъ,

Какова кибитка—таковъ и подарокъ;

Вьючки не много—не много и предложеній (подарковъ)

Таково уже время ⁽¹⁾.

Взгляните, пріѣхала невѣста,

За взглядъ на нее подарите,

Не называя пестрой, или саврасой,

Объявите что именно? ⁽²⁾

Вотъ, свекора привѣтствуй.

Членъ-сотрудникъ *Вл. Плотниковъ*.

⁽¹⁾ Всѣ эти сравненія относятся къ подаркамъ за смотрѣніе молодой (*кюрюндукъ*) и принимаются въ томъ смыслѣ, что подарки эти должны соответствовать состоянію жениха и приданому молодой.

⁽²⁾ Точный переводъ послѣднихъ двухъ строкъ, но онѣ принимаются въ такомъ смыслѣ: не порочьте, не насмѣхайтесь, а обсудите по справедливости, относя эти слова къ молодой.

ПОМИНКИ (Асѣ).

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ИЗЪ ВЪТА ЗАУРАЛЬСКИХЪ КИРГИЗОВЪ.

У киргизовъ зауральской орды существуетъ религіозный обычай поминать умершихъ, преимущественно, старшихъ въ семействѣ мужчинъ, или же любимыхъ дѣтей мужескаго пола (¹).

Обрядъ этотъ, заключающійся въ принесеніи на жертву скота, въ угощеніи приглашенныхъ, въ играхъ и зрѣлищахъ, имѣетъ характеръ скорѣе веселаго праздника, чѣмъ печальной церемоніи.

Хотя поминки у всѣхъ почти киргизовъ и дѣлаются по ихъ средствамъ, но въ общемъ, можно сказать, что на это тратятъ они немалую часть своего благосостоянія, особенно богатые и мало мальски извѣстные люди, которые изъ одного лишь пустаго тщеславія, или подражанія стариннымъ обычаямъ, готовы пожертвовать для того большой суммой.

Такъ какъ я уже сказалъ, что у киргизовъ поминки зависятъ отъ ихъ средствъ, то поэтому и трудно сказать объ нихъ что либо опредѣленное. Всѣ они болѣе, или ме-

(¹) По замужнимъ женщинамъ дѣлаютъ поминки больше люди состоятельные и то только въ такомъ случаѣ, если умершая, при ея жизни, пользовалась уваженіемъ мужа по ея нравственнымъ качествамъ. Что же касается дѣвицъ, то ихъ поминаютъ рѣдко, или, лучше сказать, совсѣмъ не поминаютъ.

нѣе имѣютъ общій характеръ и отличаются въ одномъ случаѣ большей щедростію и торжественностію, въ другомъ, меньшей. Всѣ помижки бываютъ лѣтомъ.

Цѣль настоящей статьи заключается въ описаніи видѣнныхъ мной самимъ поминокъ, которые можно принять за образецъ самыхъ богатыхъ. Поминки эти были въ іюлѣ мѣсяцѣ 1860 года, на урочищѣ Кара-кулѣ, у управляющаго Яппасскимъ родомъ есаула Куламбаева, черезъ годъ послѣ смерти его отца.

За десять дней до поминокъ отъ Куламбаева послано было въ окрестные аулы нѣсколько человекъ его родственниковъ изъ почетныхъ, для оповѣщенія киргизовъ о предстоящихъ поминкахъ⁽¹⁾.

По этому зову, распространившемся по степи съ необыкновенной быстротой, начали подкочевывать киргизы къ аулу Куламбаева въ такомъ огромномъ количествѣ, что дня за два до поминокъ, заняли своими кибитками степь, по крайней мѣрѣ, версты на четыре въ окружности. Почти изъ каждаго аула привозили кибитки, предназначавшіяся для гостей и разставляли на указанныхъ мѣстахъ въ одну линію, полукругомъ. Всего поставлено было 140 лучшихъ кибитокъ, преимущественно изъ бѣлыхъ кошомъ; въ кибиткахъ для болѣе почетныхъ гостей, постлали ковры, а въ остальныхъ кошмы. Неподалеку отъ кибитокъ, противъ середины линіи, разбили Бухарскій шатеръ, извѣстный по своей величинѣ въ

(¹) Въ настоящемъ случаѣ у богатыхъ киргизовъ или пользующихся извѣстностію въ степи не принято обыкновенія и даже считается какъ бы недостойнымъ ихъ значенію посылать для оповѣщенія лицъ изъ семейства умершаго, а потому назначаютъ всегда они изъ ближайшаго родства, въ видѣ особыхъ довѣренныхъ. Впрочемъ нужно замѣтить здѣсь, что недѣли за двѣ до этого оповѣщенія особо дали знать о поминкахъ съ той цѣлью, чтобы желающіе участвовать въ скачкѣ, успѣли къ назначенному времени подкормить лошадей.

Восточной степи и вмѣщающей до 200 человекъ (¹). По срединѣ шатра, устланнаго коврами, поставлена была, на небольшой сундукъ, накрытый ковромъ, чаша, въ видѣ котла, изъ чистаго серебра, вѣсомъ въ полтора пуда, наполненная кумысомъ, въ которую спущенъ серебрянный ковшъ для разливки кумыса по маленькимъ чашкамъ (²).

Между тѣмъ въ самомъ аулѣ Куламбаева въ этотъ вечеръ вырыли 140 небольшихъ ямъ въ двѣ линіи (по 70 на каждой сторонѣ) по числу котловъ, въ которыхъ предполагалось, на другой день, варить мясо (³). Когда ямы были готовы, мулла прочиталъ надъ ними молитву въ знакъ благополучнаго начатія и окончанія поминокъ и вслѣдъ за тѣмъ изъ подогнатаго къ аулу табуна начали ловить подъ колотье кобыль. Выбрано было изъ табуна самыхъ жирныхъ 60 кобылицъ, которыхъ, до слѣдующаго утра, раздѣлили на двѣ половины съ тѣмъ, чтобы на каждую пришлось равное число лучшихъ и похуже, и къ каждой половинѣ тутъ же назначили распорядителей изъ опытныхъ киргизовъ. Около вырытыхъ ямъ, подъ складъ варенаго мяса, приготовлено было 12 большихъ кибитскъ, въ два ряда, устланные сплошь тростниковыми полотнами (чій), а сверху свѣжей травой и камышомъ, чтобы сложенное мясо не пачкалось въ землѣ.

На слѣдующее утро передъ рѣзаніемъ скота, мулла, съ хораномъ, подошелъ къ каждой половинѣ отдѣленныхъ лошадей и прочиталъ молитву. Изъ шкуръ зарѣзаннаго скота,

(¹) Собственность наследниковъ известнаго въ Восточной степи богача Бойсакала—родственника Куламбаева.

(²) Чаша эта принадлежитъ наследникамъ того же Бойсакала. По борту, на виднейшей сторонѣ, чаши слѣдующая надпись: «1234 года мѣсяца уразы 25 числа (по магометанскому счисленію) сдѣлана въ Петербургѣ, Джаппаскаго Бія покойнаго Тлеки-Батыря сына Бойсакала. Благословенный въ наследство». Пьедесталь, на которомъ стоитъ чаша, изображаетъ четырехъ литыхъ львовъ.

(³) На каждую кибитку по одному большому котлу.

часть отдали муллѣ, а остальные, по ровному дѣлежу, распорядителямъ и потомъ начали варить мясо въ приготовленныхъ за-ранѣ котлахъ⁽¹⁾. Поспѣвшее мясо начали разносить по тѣмъ 12 кибиткамъ, которыя были приготовлены за-ранѣ, и раскладывать на траву такъ, что лучшія части, какъ напр. шейное сало изъ-подъ гривы, мясо заднихъ лошадиныхъ бедеръ (въ толстомъ мѣстѣ), колбасы (казы) и сало—въ одной кибиткѣ; головы съ отдѣльно вырѣзанными губами, ноги, легкія съ сердцемъ—въ другой; мясо безъ сала и ребра—въ третьей; спинныя кости—въ четвертой; лопатки и ножныя кости, съ небольшою частицею мяса—въ пятой; внутренности—въ шестой и т. д. За недостаткомъ мѣста въ одной кибиткѣ для какихъ либо частей мяса клали его въ двѣ, или три кибитки. Въ одной кибиткѣ стояло 12 большихъ котловъ каши, въ видѣ плова, изъ сорочинской крупы, изготовленной на кобыльемъ салѣ, а въ другой киргизы перемывали деревянныя чашки, которыхъ для этаго праздника куплено было 400 штукъ, кромѣ собранныхъ изъ сосѣднихъ ауловъ.

Въ этотъ день, около полудня, изъ сосѣднихъ ауловъ начали подвозить въ аулъ Куламбаева кумысъ въ сабахъ (кожаныхъ мѣшкахъ), покрытыхъ коврами⁽²⁾. По числу 140 приготовленныхъ кибитокъ, въ каждую поставили сабу, а привезшему ее, смотря по достоинству аула, изъ котораго послана саба, дѣлали подарки деньгами, халатами и кусками варенаго мяса⁽³⁾.

(1) Кромѣ 60 кобыль было зарѣзано еще 80 барановъ.

(2) Возять сабы на арбахъ, покрывая ихъ также коврами; но въ подобныхъ случаяхъ предпочитается верблюжій вьюкъ.

(3) На поминкахъ и вообще при всѣхъ пиршествахъ, гдѣ бываетъ большое стеченіе народа, выпивается такое количество кумыса, что какъ бы ни былъ богатъ хозяинъ кобылами, кумыса не хватаетъ для гостей, а потому у киргизовъ существуетъ въ подобныхъ случаяхъ обычай называе-

Когда все уже было готово къ празднику, народъ началъ съѣзжаться. Мужчины, женщины и дѣти, одѣтые въ лучшее платье, на верховыхъ лошадяхъ, засѣдланыхъ въ лучшую сбрую, подъѣзжая къ аулу, останавливались на почтительномъ разстояніи, слѣзали съ лошадей, привѣтствовали хозяина и потомъ уходили въ приготовленныя кибитки, гдѣ располагались какъ у себя дома. Всего набралось въ этотъ день до 1000 человѣкъ гостей, которыхъ угощали мясомъ и кумысомъ. Подъ вечеръ, въ видѣ небольшого развлечения для пріѣхавшихъ гостей, дѣлали пробу скаковымъ лошадямъ, собраннымъ изъ ближайшихъ ауловъ. Лошадей было не больше 30. Нечего и говорить, что тутъ были всѣ отъ большаго до малаго, кромѣ женщинъ, которымъ, по обычаямъ киргизовъ, предосудительно присутствовать при зрѣлищахъ подобнаго рода и на долю которыхъ достается единственное удовольствіе: проѣхаться отъ нечего дѣлать и вдоволь покушать.

Наконецъ наступилъ самый день поминокъ. Съ самаго утра киргизы опять начали показываться у аула Куламбаева огромными пестрыми толпами и часамъ къ 10-ти набралось ихъ, съ пріѣхавшими наканунѣ, по крайней мѣрѣ до 5000 человѣкъ. Всѣ они набирались въ кибитки и въ ожиданіи сытнаго обѣда размѣщались тамъ, какъ только позволяло мѣсто, соблюдая между собою чинопочитаніе, такъ напр. у рѣшетки, въ глубинѣ кибитки, противъ дверей садились акъ-сакалы (старшіе по лѣтамъ и уважаемые народомъ лица⁽¹⁾); по обѣ стороны ихъ бии (извѣстные краснорѣчіемъ); отъ нихъ, ближе къ дверямъ, утагасы (почтенные люди), а

мый *саунъ*, привозитъ свой кумысъ, обыкновенно полную сабу. Посылаемые для оповѣщенія лица дѣлаютъ приглашеніе и на саунъ и чтобы просьба была убѣдительнѣе, сообщаютъ цѣнность приза для первой скаковой лошади.

(¹) Въ настоящемъ случаѣ почетнымъ гостемъ считается акъ-сакаль какого либо другаго рода, а не того, къ которому принадлежатъ хозяинъ поминокъ.

за ними карà-сакàлы (взрослые); кругомъ, по срединѣ кибитки, лицомъ къ рѣшеткѣ садились джигиты (молодежь) и дѣти мужескаго пола ⁽¹⁾. Въ каждой кибиткѣ помѣщалось отъ 30 до 50 человекъ.

Какъ только наполнились кибитки народомъ, дѣло оставалось за угощеніемъ. Назначенные передъ тѣмъ пять распорядителей, на каждые 30 кибитокъ по одному, отдали приказаніе прислугѣ, состоявшей изъ Яппасцовъ и больше ближайшихъ родственниковъ Куламбаева, начать угощеніе, по очередно, для каждыхъ 30 кибитокъ. Въ каждой кибиткѣ передъ гостями разостлали по большому куску ситца, или бязи, замѣняющему скатерть; дали воды вымыть руки ⁽²⁾ и затѣмъ разложенное по чашкамъ мясо, начали развозить по кибиткамъ верховые киргизы ⁽³⁾. Въ каждую кибитку подавали по 15 чашекъ мяса, изъ коихъ 6 или 7 съ лучшими частями, и непременно съ лошадиными и бараньими головами, ставили отдѣльно по одной, передъ особенно почетнымъ гостемъ, и остальные на всю артель. Нарѣзанное по кусочкамъ мясо киргизы брали изъ чашекъ руками. Особенно почетные гости, преимущественно старики, въ знакъ уваженія къ кому либо изъ гостей, подчивали ихъ съ рукъ. Удостоенный этой чести, смотря по тому—какое лицо угоща-

⁽¹⁾ По обычаямъ киргизовъ не допускается, на подобныхъ общественныхъ праздникахъ, присутствія дѣвицъ и молодыхъ женщинъ, обязанныхъ по недавнему замужеству носить особый головной уборъ (саукелѣ), при которомъ женщина не должна показывать лица. Что же касается до остальныхъ замужнихъ женщинъ, то при поминкахъ онѣ угощаются въ отдѣльныхъ кибиткахъ и между ними позволяется быть дѣвицамъ только того аула, въ которомъ дѣлаются поминки.

⁽²⁾ Въ каждой кибиткѣ приготовлено было для этаго по 2 кулгана, по 2 таза и два челяка воды.

⁽³⁾ Разстояніе кибитокъ, поставленныхъ для гостей отъ кибитокъ, въ которыхъ лежало мясо, было довольно значительно, такъ что пѣшая прислуга не могла безъ усталости и съ надлежащей скоростію исполнять своего дѣла, а потому мясо развозили верховые киргизы.

ло его, становился на колѣна, складывалъ на груди руки, протягивалъ шею и схватывалъ кусокъ ртомъ, или бралъ на ладонь, а другіе, которые захватывали черезъ-чуръ уже много и не могли разжевать, обыкновенно тотчасъ отворачивались, выбрасывали изо рта все на ладонь и потомъ уже начинали ѣсть. За первымъ блюдомъ послѣдовало угощеніе кумысомъ. На этотъ разъ каждая саба привезеннаго кумыса стояла по срединѣ кибитки, привязанная верхнимъ концомъ къ веревкѣ перекладинъ кибитки (уокъ-бау) для того, чтобы кумысъ не могъ разлиться. Одинъ изъ старшихъ акъ-сакаловъ кибитки выбиралъ джигита, извѣстнаго своей расторопностію, который долженъ былъ разливать кумысъ по маленькимъ чашкамъ и раздавать кому приказано (¹). Подъ вліяніемъ жаркаго дня и спертаго воздуха въ кибиткахъ кумысъ началъ оказывать свое дѣйствіе: между гостями, занятыми до того исключительно мыслию по плотнѣе покушать, начался весьма оживленный, а мѣстами крупный разговоръ. Почти въ каждой кибиткѣ слышенъ былъ шумъ. Нѣкоторымъ гостямъ отъ духоты приходилось не въ моготу; начали снимать верхніе халаты, распоясывать кушаки, а другіе такъ безъ всякихъ церемоній оставались въ однѣхъ рубахахъ, растегнутыхъ у ворота и спущенныхъ нѣсколько назадъ для прохлады. Съ появленіемъ втораго блюда, состоявшаго изъ мяса и сорочинской крупы, гости принялись снова за ѣду съ прежнимъ аппетитомъ. Тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, въ каждую кибитку подали по 15 чашекъ. Остатками мяса акъ-сакаль каждой кибитки одѣлывалъ гостей, которые

(¹) Избранный для разливки кумыса джигитъ обязанъ, по принятому у киргизовъ обыкновенію, рукавъ сабы наклонять въ ту сторону, гдѣ сидитъ старшій акъ-сакаль кибитки, дабы тотъ могъ наблюдать за разливкой кумыса и чтобы при этомъ не допускалось обмана. За несоблюденіе этаго обыкновенія акъ-сакаль имѣетъ право сердиться и даже можетъ для разливки кумыса назначать другаго.

тутъ же попрятали его по карманамъ и платкамъ, чтобы увезти домашнимъ въ гостинецъ съ праздника (¹). Второе блюдо гости запили шурпой (мяснымъ отваромъ), потомъ облизали руки, вымыли ихъ, пополоскали во рту надъ тазомъ, который разносилъ для того въ каждой кибиткѣ особо назначенный киргизъ и снова принялись за кумысъ. Покончивши весь кумысъ гости начали выбираться изъ кибитокъ. Повсюду слышанъ былъ непрерываемый говоръ, многіе были на-веселѣ, а спустя нѣкоторое время, передъ кибитками появились мѣстами киргизы, валявшіеся на землѣ отъ совершеннаго опьяненія (²).

Въ это время на площади, передъ кибитками, показался верховой киргизъ, возвѣщавшій о началѣ скачки поднятымъ на сѣдлѣ шестомъ, на верхній конецъ котораго привязанъ былъ красный платокъ. Киргизъ этотъ, развѣзжая между народомъ, громогласно произносилъ „*атъ-чегаръ, атъ-чегаръ*“ (выпускайте лошадей). Слова эти служили сигналомъ, по которому всѣ, сѣвъ на лошадей, направились къ аренѣ, приготовленной для выставки скаковыхъ призовъ, верстахъ въ двухъ отъ того мѣста, гдѣ происходило угощеніе. Тамъ на большой площади, отгороженной съ двухъ сторонъ веревками въ длину по крайней мѣрѣ по полуверстѣ, стояли уже деревянные высокіе шесты, на которыхъ развѣшаны были призы для скаковыхъ лошадей. Всѣмъ киргизамъ приказано было слѣзть съ лошадей и сѣсть около протянутыхъ веревокъ, оставивъ площадь совершенно свободною (³). На это

(¹) Обычай увозить съ собой въ подобныхъ случаяхъ весь остатокъ мяса, не считается предосудительнымъ.

(²) Особенно почетныхъ лицъ и преимущественно должностныхъ лицъ угощали въ шатрѣ, куда передъ началомъ обѣда подавали чай.

(³) Эта предосторожность принята была для того, чтобы съ появленіемъ скаковыхъ лошадей не произошло между киргизами смятенія, споровъ и драки, безъ чего у киргизовъ обходится рѣдкая скачка.

мѣсто собрали всѣхъ лошадей, приведенныхъ для скачки и разсортировали на двѣ половины: въ одной, изъ 137 штукъ, заключались лошади старше 3-хъ лѣтъ—для улькунь-байге (большой скачки), а въ другой, изъ 42, по третьему году жеребята,—для кунань-байге (скачка жеребятъ). На всѣхъ лошадяхъ сидѣли мальчики отъ 10-ти до 15 лѣтъ, одѣтые легко, по праздничному, въ яркихъ ситцевыхъ рубашкахъ, а головы, почти у всѣхъ, были перевязаны платками. Для легкости въ побѣжкѣ у всѣхъ почти лошадей хвосты были заплетены въ косы, а у нѣкоторыхъ, для красоты между ушей торчали хохолки заплетенныхъ волосъ, перевязанныхъ цвѣтными лоскутками. Когда всѣ скаковыя лошади, были въ сборѣ, къ каждой партіи назначенъ былъ опытный киргизъ изъ почетныхъ, для сопровожденія до назначенныхъ мѣстъ и соблюденія между посланными порядка. Для улькунь-байге назначенъ былъ конецъ приблизительно въ 35-ть верстъ (въ оба пути 70), а для кунань-байге верстъ въ 12⁽¹⁾.

Между тѣмъ въ ожиданіи отправленныхъ лошадей для гостей, въ видѣ особаго развлеченія, устроена была борьба. На арену выступило нѣсколько силачей въ однѣхъ рубашкахъ, съ засученными рукавами и шароварахъ, загнутыхъ выше колѣнъ. Всѣ они усѣлись на середину въ ожиданіи противниковъ, которыхъ подводили къ нимъ почетныя лица⁽²⁾. Противники тотчасъ схватывались; иные окончивали борьбу послѣ долгихъ и правильныхъ состязаній, а другіе вцѣплялись другъ въ друга, какъ попало, кружились, вертѣлись и падали при громогласныхъ крикахъ толпы. Побѣдитель самодовольно отходилъ отъ побѣжденнаго и садился опять,

(¹) Въ передній путь лошади должны бѣжать рысью, а въ обратный вскачь.

(²) Въ борьбѣ у киргизовъ приято обыкновение сводить лицъ разныхъ родовъ и побѣдитель составляетъ гордость своихъ родовичей.

сложивъ подъ себя ноги калачикомъ, въ ожиданіи новаго противника.

Призы назначены были для 9-ти борцовъ, и состояли изъ нижеслѣдующихъ вещей:

1-му верблюду и деньгами 8 руб. серебромъ.

2-му лошадь.

3-му лошадь.

4-му сукна на кафтанъ.

5-му выдра.

6-му ружье.

7-му кинжалъ.

8-му халатъ.

9-му 2 рубля серебромъ.

Всѣ эти призы раздавали по порядку, начиная отъ первыхъ борцовъ, которыхъ выбирали сначала изъ извѣстныхъ уже въ ордѣ силачей, а потомъ изъ болѣе второстепенныхъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ борьбы показались скакунъ и жеребята. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за появленіемъ первыхъ лошадей. Многіе въ толпѣ привстали и порывались было впередъ, но сдерживаемые безцеремонными толчками распорядителей скачки и своей собратіи, уходили на свои мѣста, откуда выкрикивали похвальные слова лошадямъ, сѣдокамъ и смѣялись отъ души надъ оставшими жеребятами. У шестовъ остановили лошадей и начали раздавать призы. Всего роздано было призовъ для 9 лошадей, а именно:

1-й: лошадь,

выдра,

деньгами 7 руб. серебромъ.

2-й: лошадь,

8 рублей серебромъ.

3-й: лошадь,

7 рублей серебромъ.

4-й: выдра,

6 рублей серебромъ.

5-й: выдра,

5 рублей серебромъ.

6-й: выдра,

4 рубля серебромъ.

7-й

8-й

} по одной выдрѣ и по 3 руб. сереб. деньгами.

9-й—ружьѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ первой скачки, прискакалъ киргизъ, выѣхавшій на встрѣчу большой скачки, съ извѣстіемъ о ея скоромъ прибытіи. Надобно было видѣть съ какимъ жаднымъ любопытствомъ устремились киргизы въ ту сторону, откуда ожидали лошадей. Мучимые неизвѣстностію о своихъ скакунахъ, нѣкоторые выбрались по тихоньку изъ толпы, сѣли на лошадей и поскакали на встрѣчу. Прошло еще нѣсколько минутъ: вдали показался огромный столпъ пыли. „Киліятыръ, киліятыръ“ (ѣдутъ, ѣдутъ) раздалось въ толпѣ. Сдѣлалось общее движеніе, всѣ кинулись къ канату, иные сѣли на лошадей и втирались въ пѣшую толпу, не разбирая ничего передъ собою, а другіе изъ любопытства поскакали встрѣчать. Повсюду слышенъ былъ говоръ, слившійся въ какой-то общій гулъ. Вотъ наконецъ показались скаковыя лошади. Всадники изъ всей силы выкрикивали имена и прозванія хозяевъ; у каждой почти лошади скакало по нѣскольку человѣкъ киргизъ, которые тянули ее за поводья, подпруги, за хвостъ, били нагайками, словомъ употребляли всѣ мѣры, чтобъ лошадь, до выставки призовъ, не обогнали другія. Въ это время не было уже никакой возможности сдержать порывъ киргизовъ. Не прошло пяти минутъ, какъ вся эта масса народа сидѣла уже на лошадяхъ и столпилась въ одинъ общій кружокъ, около того

мѣста, гдѣ раздавали призы. Каждый старался пробраться въ центръ, чтобы видѣть своими глазами призъ. Давка была такая, что не было возможности оставаться въ толпѣ, безъ нѣкоторой опасности, и только лишь послѣ раздачи призовъ наступилъ предѣлъ этой сумятицѣ. Призы получили 13 лошадей.

1-я три тогуза: ⁽¹⁾ Верблюды, } 1-й тогузъ.
8 лошадей, }

Кольчуга } 2-й тогузъ.
8 лошадей, }

Китайская монета (ямба), } 3-й тогузъ.
8 червонцевъ. . . . }

2-я три тогуза: верблюдъ,

8 лошадей,

китайская монета (ямба),

8 червонцевъ

лошадь,

8 руб. сереб. (серебряной монетой),

3-я три тогуза: верблюдъ,

8 лошадей,

китайская монета (ямба),

8 червонцевъ,

серебряный стаканъ,

8 руб. серебромъ,

4-я два тогуза: верблюдъ,

8 лошадей,

китайская монета (ямба),

8 руб. серебромъ

5-я — — — верблюдъ,

8 лошадей,

китайская монета (ямба).

(1) Тогузъ составляютъ девять вещей. 3 тогуза равняются 27 вещамъ.

6-я одинъ тогузь: верблюдь,

лошадь,

бобръ,

6 руб. сереб.

7-я одинъ тогузь: верблюдь,

бобръ,

сабля

6 руб. сереб.

8-я одинъ тогузь: верблюдь,

бобръ,

ружье,

6 руб. сереб.

9-я одинъ тогузь: лошадь,

бобръ,

ружье,

6 руб. сер.

10-я — — — лошадь

бобръ,

10 руб. сер.

11-я Одинъ тогузь: лошадь,

8 руб. сер.

12-я — — — лошадь,

ружье,

13-я — — — Лошадь.

Прямо съ этаго мѣста, собираясь въ отдѣльныя кучьки, киргизы начали разбѣзжаться по ауламъ, совершенно довольные угощеніемъ, за которое даже не поблагодарили хозяина, и съ неисчерпаемымъ запасомъ разговоровъ на долгое и очень долгое время въ ихъ скучной и однообразной жизни, или по крайней мѣрѣ до появленія чего нибудь новаго въ степи, достойнаго новыхъ разговоровъ.

По приблизительнымъ вычисленіямъ на этомъ праздникѣ съѣдено: до 600 пудъ мяса (около 5 фунтовъ на человѣка); до 50 пудъ сорочинской крупы; выпито: до 150 сабъ кумыса, (считая въ каждой среднимъ числомъ 10 ведеръ кумыса), что составитъ 1500 ведеръ; до 25 фунтовъ чаю; израсходовано сахару до 8 пудъ. Да сверхъ этаго для прислуги, приблизительно изъ 400 человѣкъ, приглашенной на этотъ праздникъ изъ сосѣднихъ ауловъ Яппасцевъ, кололи особо: 20 барановъ и 8 лошадей и дано было 8 пудъ сорочинской крупы, 2 головы сахару и 4 фунта чаю.

Членъ-сотрудникъ *В. Плотниковъ.*